

Церковно-общественный вестник

7 января
понедельник

Калугарь

№1(036)
2019

Калужская православная старообрядческая Община во имя Знамения Пресвятыя Богородицы

Святоотеческое наследие	Жизнь общины	История храма	Литературная страничка
Святые отцы о богопознании. Часть III	События ноября - декабря 2018 г.	Описание Знаменской церкви середины XIX в.	И.С. Тургенев Собака
С. 2 - 4	С. 5	С. 6	С. 7 - 12

С Рождеством Христовым!

Рождество Христово.
Фреска пещерной церкви Каранлик. XI-XIII в. Каппадокия, Турция

Рождественский кондак

Того, Кто вечно был и есть,
Рождает миру Дева днесь.
И Непреступному Ему —
Непостижимому уму
Земля нашла уже приют.
И в небе ангелы поют,

И пастухи спешат с холма,
И пред Звездой теснится тьма,
А за Звездой идут волхвы.
И в эту ночь познали мы,
Как ради нас родиться мог
Младенец — Он же вечный Бог.

В. Шидловский

Явление ангела пастырям

Встаньте и пойдите
В город Вифлеем;
Души усладите
И скажите всем:
«Спас пришел к народу,
Спас явился в мир!»

Слава в вышних Богу,
И на земли мир!
Там, где отдыхает
Бессловесна тварь,
В яслях почивает
Всего мира Царь!»

А. Фет

Начало в № 33 и 34

Святые отцы о богопознании. Часть III.

6. О возможности - при непостижимости существа Божия - относительного богопознания

Святитель Григорий Богослов. Из слова 28, о богословии второго

Но что со мной сделалось, друзья, свидетели тайны и подобные мне любители истины? Я шел с тем, чтобы постигнуть Бога: с этой мыслью, отрешившись от вещества и вещественного, погрузившись, насколько мог, сам в себя, восходил я на гору. Но когда простер взор, едва увидел сзади Бога (Исх.33:22-23), и то покрытого «Камнем» (1Кор.10:4), то есть воплотившимся ради нас Словом. И, прикинув несколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Им самим, то есть самой Троицею; созерцаю не то, что пребывает внутри первой завесы и закрывается херувимами, но одно крайнее и к нам простирающееся. А это, насколько знаю, есть то величие, или, как называет божественный Давид, то «великолепие» (Пс.8:2), которое видимо в тварях, Богом и созданных и управляемых. Ибо все то (величие и великолепие – прим.ред.) есть «Бог сзади», что после Бога доставляет нам познание о Нем подобно тому, как отражение и изображение солнца в водах показывает солнце слабым взорам, которые не могут смотреть на него, потому что живость света поражает чувство. Так богословствуй и ты, хотя будешь Моисеем и богом фараону, хотя с Павлом взойдешь до «третьего неба» и услышишь «неизреченные слова» (2Кор. 12:4), хотя станешь и их выше, удостоившись ангельского или архангельского лика и чина! Ибо все небесное, а иное и пренебесное, хотя в сравнении с нами гораздо выше естеством и ближе к Богу, однако же дальше отстоит от Бога и от совершенного Его постижения, нежели насколько выше нашего сложного, низкого и долу тяготеющего состава.

Итак, опять должно обратиться к началу. «Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно», — так любомудрствовал один из эллиских богословов и, думаю, не без хитрой мысли, чтоб почитали его постигшим, сказал он: «трудно», и, чтоб избежать обличения, назвал это неизреченным. Но, как я рассуждаю, изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно. Ибо что постигнуто разумом, то имеющему не вовсе поврежденный слух и тупой ум объяснит, может быть, и слово, если не вполне достаточно, то, по крайней мере, слабо. Но обнять мыслью столь великий предмет совершенно не имеют ни сил, ни средств не только люди, оцепеневшие и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые, равно как и всякое рожденное естество, для которого этот мрак, эта грубая плоть, служит препятствием к пониманию истины. Не знаю, возможно ли это природам высшим и духовным, которые, будучи ближе к Богу и озаряясь всецелым светом, может быть, видят Его, если не вполне, то совершеннее и определеннее нас, и притом, по мере своего чина, одни других больше и меньше. Но об этом не буду распространяться далее. Что же касается нас, то не только «мир Божий, который превьше всякого ума и разумения» (Флп.4:7), не только приготовленный, по обетованиям (1Кор.2:9; Ис.64:4), для праведных, не могут ни очи видеть, ни уши слышать, ни мысль представить, но даже едва ли возможно нам и точное познание твари. Ибо и здесь у тебя одни тени, в чем уверяет сказавший:

«взираю на небеса — дело рук Твоих, на луну и звезды» (Пс.8:4) и постоянный в них закон, ибо говорит не как видящий теперь, а как надеющийся некогда увидеть. Но в сравнении с тварями гораздо невместимее и непостижимее для ума то естество, которое выше их и от которого они произошли.

Непостижимым же называю не то, что Бог существует, но то, что Он такое. Ибо не тщетна проповедь наша, не суетна вера наша, и не о том преподаем мы учение. Не обращай нашей искренности в повод к безбожию и к клевете, не превозносись над нами, которые сознают в неведении! Весьма большая разность — быть уверенным в бытии чего-нибудь и знать, что оно такое. Есть Бог — творческая и содержательная причина всего; в этом наши учителя — и внешний опыт, и естественный закон: зрение, обращенное к видимому, которое прекрасно утверждено и совершает путь свой, или, скажу так, неподвижно движется и несется, и естественный закон, от видимого и благоустроенного умозаключающий о Началовожде его. Ибо Вселенная как могла бы составиться и стоять, если бы не Бог все осуществлял и содержал? Кто видит красиво отделанные гусли, их превосходное устройство и расположение, или слышит саму игру на гуслиях, тот ничего иного не представляет, кроме сделавшего гусли или играющего на них, и к нему восходит мыслью, хотя, может быть, и не знает его лично. Так и для нас явственна сила творческая, движущая и сохраняющая сотворенное, хотя и не постигается она мыслью. И тот крайне несмышлен, кто, следуя естественным указаниям, не восходит до этого познания сам собой.

Впрочем, не Бог еще то, что мы представили себе под понятием Бога, или чем мы Его изобразили, или чем описало Его слово. А если кто когда-нибудь и сколько-нибудь обнимал Его умом, то чем это докажет? Кто достигал последнего предела мудрости? Кто устаивался когда-нибудь столь многого дарования? Кто до того «открыл уста» разумения и «привлек Дух» (Пс.118:131), что, при содействии этого Духа, «все проникающего» и знающего, даже «глубины Божии» (1Кор.2:10), постиг он Бога, и не нужно уже ему простираяться далее, потому что обладает последним из желаемых, к чему стремятся и вся жизнь, и все мысли высокого ума? Но какое понятие о Боге составишь ты, который ставит себя выше всех философов и богословов и хвалится без меры, если ты ввернись всякому пути умозрения? К чему приведет тебя пытливый разум? {...}

Божество непостижимо для человеческой мысли, и мы не можем представить Его во всей полноте. И Оно пребывает непостижимым не по зависти. Ибо зависть далека от Божия естества, бесстрастного, единого благого и господственного, особенно зависть к твари, которая для Бога драгоценнее других, потому что для Слова что предпочтительнее словесных тварей? Притом и само сотворение наше есть верх благодати. А также причина этому не собственная честь и слава Того, Кто «исполнен» (Ис.1:11), как будто бы непостижимость может придать Ему досточтимости и величия. Ибо пролагать себе путь к первенству тем, чтобы препятствовать другим до него достигнуть, свойственно одному софисту, чуждо же не только Богу, но и человеку сколько-нибудь благонравному. Но ежели есть на это другие причины, то, может быть, знают их наиболее приближенные к Богу, прозирающие и углубляющиеся умом в неисследи-

Святитель Григорий Богослов.

мые судьбы Его, если только найдутся люди, до такой степени преуспевшие в добродетели и, по сказанному, «входящие в исследование бездны» (Иов.38:16). Сколько же можем постигать мы, которые не удобосозерцаемое измеряют малыми мерами, это нужно может быть для того, чтоб удобство приобретения не делало удобной и потерю приобретенного. Ибо обыкновенно, как с трудом приобретенное всего скорее презираем, по самой возможности приобрести снова. А потому имеющие ум почитают благодеянием саму трудность получить благодеяние. Может быть, нужно это и для того, чтобы не потерпеть нам одной участи с падшим ангелом, чтобы, приняв в себя всецелый свет, не «ожесточить выи перед Господом Вседержителем» (Иов.15:25) и не пасть от превозношения самым жалким падением. А может быть, нужно и для того, чтобы здесь очистившись и терпеливо ожидавшим исполнения желаемого и там оставалось нечто в награду за трудолюбие и светлую жизнь. Поэтому-то между нами и Богом стоит эта телесная мгла, как издревле облако между египтянами и евреями. Ибо это-то значит, может быть, «мрак сделал покровом Своим» (Пс.17:19), то есть нашу дебелисть, через которую презревают немногие и немного.

Но кто озабочен этим, тот пусть и любознательствует, пусть и восходит наверх размышления. А нам, «узникам земным», как говорит божественный Иеремия (Плач.3:34), нам, покрытым этой грубой плотью, известно то, что как невозможно обогнать свою тень, сколько бы ни спешил, потому что она настолько же подается вверх, насколько бывает захвачена, или как зрение не может сблизиться с видимыми предметами без посредства света и воздуха, или как породы плавающих в воде не могут жить вне воды, так и находящемуся в теле нет никакой возможности быть в общении с умозерцаемым без посредства чего-либо телесного. Ибо всегда превзойдет что-нибудь наше, сколько бы ни усиливался ум прилепиться к сродному и невидимому, как можно более отрешаясь от видимого и уединяясь сам в себя. И это увидим из следующего. Дух, огонь, свет, любовь, мудрость, ум, слово и подобное этому — не наименования ли первого естества? И что ж? Представляешь ли ты себе или дух без движения и разливания, или огонь не в веществе, без движения вверх, без свойственного ему цвета и очертания, или свет не в смешении с воздухом, отдельно от того, что его как бы рождает, то есть что светит? А каким представляешь ум? Не пребывающим ли в чем-то другом? И мысли, покоящиеся или обнаруживающиеся, по твоему мнению, не движение ли? Представляешь ли какое слово, кроме безмолвствующего в нас или изливаемого (помедлю говорить, исчезающего)? Да и мудрость, в твоём понятии, что, кроме навыка рассуждать о предметах Божественных или человеческих? А также правда и любовь — не похвальные ли расположения, которые противоборствуют — одно неправде, а другое ненависти, и как сами бывают напряженнее и слабее, возникают и прекращаются, так подобными и нас делают и изменяют, производя в нас то же, что краски в телах? Или надобно рассматривать Божество, сколько возможно, Само в Себе, отступившись от этих образов и собрав из них какое-то единственное представление? Но что ж это за построение ума, которое из этих образов собрано, и не то, что они? Или как единое, по естеству своему не сложное и неизобразимое, будет заключать в себе все эти образы, и каждый совершенно? Так трудно уму нашему выйти из круга телесности, доколе он, при помощи своей, рассматривает то, что превышает его силы!

Поскольку всякая разумная природа, хотя стремится к Богу и к первопричине, однако же не может постигнуть ее, по изъясненному мной, то, истаивая желанием, находясь как бы в предсмертных муках и не терпя этих мучений, пускается она в новое плавание, чтоб или обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом (по худому,

впрочем, расчету, ибо что видимое выше и богоподобнее видящего, и притом в такой мере, чтоб видящий поклонялся, а видимое принимало поклонение?), или из красоты и благоустройства видимого познать Бога, употребить зрение руководителем к незримому, но в великолепии видимого не потерять из виду Бога.

От этого-то стали поклоняться, кто солнцу, кто луне, кто множеству звезд, кто самому небу вместе со светилами, которым дали править в мире и качеством, и количеством движения; а кто стихиям: земле, воде, воздуху, огню, так как они для всего необходимы и без них не может длиться жизнь человеческая; иные же — что кому встретилось в ряду видимых вещей, признавая богом все, представлявшееся для них прекрасным. Некоторые стали поклоняться даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, — и это были люди, без меры предававшие горести и чувственности и желавшие памятниками почитать умерших, а потом и чужих, — и это сделали потомки первых, отдаленные от них временем, сделали потому, что они не знали первого естества, и чествование, дошедшее до них по преданию, стало как бы законным и необходимым, когда обычай, утвержденный временем, обратился в закон. Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъявить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в содействии обольщению присоединялась какая-нибудь басня. Те же из них, которые были более преданы страстям, признали богами страсти или как богов стали чествовать гнев, убийство, похотливость, пьянство, а не знаю, может быть, и еще что-нибудь к этому близкое, потому что в этом находили (конечно, недоброе и не справедливое) оправдание собственных грехов. И одних богов оставили на земле, других (что одно и благоразумно) скрыли под землей, а иных (смешной раздел!) возвели на небо. Потом, подчинившись своеволию и прихотям блуждающего воображения, нарекли каждому вымыслу имя какого-нибудь бога или демона и, воздвигнув кумиров, которые приманили к себе своей многоценностью, узаконили чествовать их кровью и туками, а иные даже самыми гнусными делами и сумасбродствами и человекоубийством. Ибо таким богам приличны были такие и почести! Даже позорили себя и тем, что воздавали Божию славу морским чудовищам, четвероногим пресмыкающимся, тому, что в этих породах наиболее гнусно и смешно, так что трудно определить, поклонявшиеся ли достойны большего презрения, или то, чему поклонялись. Но более вероятно, что презреннее служители таких богов, и еще тем в высшей степени, что, будучи по природе разумны и получив Божию благодать, лучшему предпочли они худшее. И это — одно из ухищрений лукавого, который само добро обратил во зло, как есть много и других примеров его злотворности. Он, чтобы привлечь людей под власть свою, воспользовался их неверно направленным стремлением найти Бога и, обманув в желаемом, водя как слепца, ищущего себе пути, рассеял их по разным стремлениям и низринул в одну бездну смерти и погибели.

Так было с ними, но наш руководитель — разум. И поскольку мы, хотя также ищем Бога, впрочем, не допускаем, чтобы могло что-либо быть без вождя и правителя, то разум, рассматривая видимое, обозрев все, что было от начала, не останавливается на этом. Ибо нет основания присваивать владычество тому, что по свидетельству чувств равночестно. А поэтому через видимое ведет он к тому, что выше видимого и что дает видимому бытие. Ибо чем приведены в устройство небесное и земное, заключающееся в воздухе и под водой, лучше же сказать, то, что и этого первоначальнее — небо, земля, воздух и водное естество? Кто смешал и разделил это? Кто содержит во взаимном общении, сродстве и согласии (хвалю сказавшего это, хотя он и не наш!)? Кто привел это в движение и ведет в непрерывном и бес-

препятственном течении? Не художник ли всего, не тот ли, кто во все вложил закон, по которому все движется и управляется? Кто же художник этого? Не тот ли, кто сотворил и привел в бытие? Ибо не случаю должно приписывать такую силу. Положим, что бытие от случая: от кого же порядок? Если угодно, и то уступим случаю, кто же блюдет и сохраняет те законы, по которым произошло все первоначально? Другой ли кто, или случай? Конечно, другой, а не случай. Кто же этот другой, кроме Бога? Так от видимого возвел нас к Богу благодаранный и всем врожденный разум — этот первоначальный в нас и всем данный закон!

Повторим же сказанное сначала. Бога, что Он по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет. А если и найдет когда-нибудь, то пусть разыскивают и любознательствуют об этом желающие. Найдет же, как я рассуждаю, когда это богоподобное и божественное, то есть наш ум и наше слово, соединится со сродным себе, когда образ взойдет к Первообразу, к Которому теперь стремится. И это, как думаю, выражается в том весьма любознательном учении, по которому познаем некогда, насколько сами познаны (1Кор.13:12). А что в нынешней жизни достигает до нас, есть тонкая струя и как бы малый отблеск великого света.

7. Видимая природа есть книга, которая всех учит о Боге. Но не все одинаково ее понимают

Блаженный Августин. Из

«Исповеди» книга 10 главы 6 и 26

Ясно сознаю я, Господи, что люблю Тебя: тут сомнений нет. Ты порази сердце мое словом Твоим, и я полюбил Тебя; и небо, и земля, и всё, что на них, — вот они со всех сторон твердят мне, чтобы я любил Тебя, и не перестают твердить об этом всем людям, «дабы оказались они безответны» (Рим. 1:20). Ты глубже «пожалеешь того, над кем сжалишься, и окажешь милосердие тому, над кем умилосердишься» (Исх. 33:19; Рим. 9:15), иначе глухим возглашали бы и небо и земля хвалы Твои. Что же, любя Тебя, люблю я? Не телесную красоту, не временную прелесть, не сияние вот этого света, столь милого для глаз, не сладкие мелодии всяких песен, не благоухание цветов, мазей и курений, не манну и мед, не члены, приятные земным объятиям, — не это люблю я, любя Бога моего. И, однако, я люблю некий свет и некий голос, некий аромат и некую пищу, и некие объятия — когда люблю Бога моего; это свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека — там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. Вот что люблю я, любя Бога моего.

А что же такое этот Бог? Я спросил землю, и она сказала: «это не я»; и всё, живущее на ней, исповедало то же. Я спросил море, бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили: «мы не бог твой; ищи над нами». Я спросил у веющих ветров, и всё воздушное пространство с обитателями своими заговорило; «ошибается Анаксимен: я не бог¹». Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды: «мы не бог, кото-

рого ты ищешь», — говорили они. И я сказал всему, что обступает двери плоти моей: «скажите мне о Боге моем — вы ведь не бог, — скажите мне что-нибудь о Нем». И они вскричали громким голосом: «Творец наш, вот Кто Он». Мое созерцание было моим вопросом; их ответом — их красота.

Тогда я обратился к себе и сказал: «ты кто?» И ответил: «человек». Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая внутри меня. У кого из них спрашивать мне о Боге моем, о Котором я уже спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня. Все телесные вестники возвестили душе моей, судье и председательнице, об ответах неба, земли и всего, что на них; они гласили: «мы не боги; Творец наш, вот Он». Внутреннему человеку сообщил об этом состоящий у него в услужении внешний; я, внутренний, узнал об этом, — я, я душа, через свои телесные чувства. Я спросил всю вселенную о Боге моем, и она ответила мне: «я не бог; Творец наш, вот кто Он».

Неужели всем, у кого внешние чувства здоровы, не видна эта красота? Почему же не всем говорит она об одном и том же? Животные, и крохотные и огромные, видят ее, но не могут ее спросить: над чувствами — вестниками не поставлено у них судьи — обсуждающего разума. Люди же могут спросить, чтобы «невидимое Божие через творения было понятно и узрено» (Рим. 1:20). Привязавшись, однако, к миру созданному, они подчиняются ему, а подчинившись, уже не могут рассуждать. Мир же созданный отвечает на вопросы только рассуждающим: он не изменяет своего голоса, т. е. своей красоты, и не является в разном облике тому, кто только его видит, и

Святитель Августин,
епископ Иппонийский

тому, кто видит и спрашивает; являясь, однако, в одинаковом виде обоим, он нем перед одним и говорит другому; вернее, он говорит всем, но этот голос внешнего мира понимают только те, кто, услышав его, сравнивают его с истинной, живущей в них². Истина же эта говорит мне: «Бог твой не небо, не земля и не любое тело». Их природа говорит об этом видящему; она предстает, как глыба меньшая в части своей, чем в целом. И ты, душа, говорю это тебе, ты лучше, ибо ты оживляешь глыбу тела, в котором живешь, и сообщая ему жизнь: ни одно тело не может этого доставить телу. Бог же твой еще больше для тебя: Он Жизнь жизни твоей.

Где же нашел я Тебя, чтобы Тебя узнать? Тебя не было в моей памяти до того, как я узнал Тебя. Где же нашел я Тебя, чтобы Тебя узнать, как не в Тебе, надо мной? Не в пространстве: мы отходим от Тебя и приходим к Тебе не в пространстве³. Истина, Ты восседаешь всюду и всем спрашивающим Тебя отвечаешь одновременно, хотя все спрашивают о разном. Ясно отвечаешь Ты, но не все слышат ясно. Все спрашивают, о чем хотят, но не всегда слышат то, что хотят. Наилучший слугитель Твой тот, кто не думает, как бы ему услышать, что он хочет, но хочет того, что от Тебя услышит.

Продолжение следует

¹ Анаксимен, третий философ Милетской школы (VI в. до Р.Х.). Милетцы стремились определить начало вещей: для Фалеса — это вода, для Анаксимандра — бесконечное, для Анаксимена — воздух.

² Т. е. с образцом, мерилом, данным человеку Высшим Разумом.

³ Ср. Иов. 23, 8: «Но вот я иду вперед, и нет Его; назад, и не нахожу Его».

ЖИЗНЬ ОБЩИНЫ

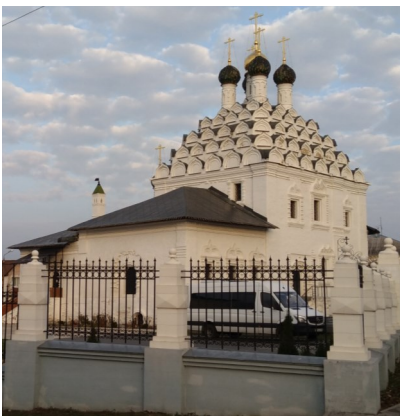
Поездка в Коломну

1 ноября, на осенних каникулах, ребята из нашей воскресной школы Никита Донцов с папой Павлом, Никанор и Арсений Курбацкие, Владимир Лисов, Михаил Панин, Аркадий Самохвалов, Юлиан Сафронников и София Фирсова вместе с о. Иоанном совершили паломничество в древний русский город Коломну. Город этот очень красивый, хотя официально он не входит в Золотое кольцо России. В нем сохранилось множество прекрасных памятников зодчества, в первую очередь Кремль, тихих провинциальных улочек с малоэтажной застройкой. В Коломне к нам присоединилась группа детей из прихода поселка Шувое Московской области во главе с о. Максимом Андреевым. Всех нас радушно встретил настоятель местного старообрядческого храма о. Михаил Рожков, организовал для нас экскурсию по Кремлю и городу, накормил сытным обедом. Замечательный экскурсовод Любовь Михайловна Эбауэр рассказала нам о городе, его истории и достопримечательностях.

Безусловно, Кремль — главный историко-археологический комплекс Коломны, построенный итальянскими зодчими в XVI столетии. До наших дней, правда, сохранилась небольшая часть крепостной стены и семь башен из семнадцати. Мы обошли вокруг Кремля, осмотрели Соборную площадь, на которой в XIV столетии стояли палаты Великого князя. На территории Кремля расположен Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь. Мы осмотрели главный храм обители — церковь Пресвятой Троицы, где в 2004 году установлен великолепный новый иконостас с иконами в древнерусском и византийском стиле. Он очень понравился о. Иоанну. А детей впечатлило убранство в подклети Троицкого храма: его своды выложены мозаикой и расписаны усилиями сестер. В 1999 г. там был установлен уникальный керамический иконостас, также выполненный в монастырской керамической мастерской. Даже настенные светильники сделаны из керамики.

Но, конечно, главной святыней для нас в Коломне является древний храм Николы на Посаде, в котором сейчас молятся старообрядцы. Первое упоминание о нем относится к XVI столетию. Тогда храм был деревянным, затем в XVIII веке его перестроили из камня в стиле «русского» барокко. Это типичный купеческий храм в стиле «московского узорочья», с обширным хозяйственным подклетом, высокой легкой церковью в честь Воскресения словущего и придельным храмом во имя святителя Николы. Здание обильно отделано кирпичной резьбой, его верх украшают 105 кокошников и «пучковое» пятиглавие. Центральный барабан световой, а остальные четыре — «глухие».

Во второй половине XVIII в. наличники и кокошники срубили. Восстановили их в ходе реставрации только в 1970-х гг. Иконы и стенопись утрачены в 1930-х годах. А от красной, отдельно стоявшей шатровой колокольни сохранился только первый ярус. Обо всем этом нам рассказал

настоятель о. Михаил Рожков. Служба, как и у нас, совершается только в приделе, а основной престол пока не освящен, ведутся реставрационные работы. Освятить его планируется во имя священномученика и исповедника Павла, епископа Коломенского, — единственного архиерея русской Церкви, который остался верным право-

славному преданию и воспротивился Никоновым новинам. Дай Бог поскорее свершиться этому благому делу!

К сожалению, мы совершали экскурсию в Коломну «одним днем», поэтому, естественно, не успели посетить некоторые музеи, которые заслуживали нашего внимания: музей «Коломенская пастила», музей трамваев, музей «Калачная», Коломенский краеведческий музей. Надеемся, что у нас еще будут совершаться поездки в этот старинный город. Туда хочется возвращаться и побыть там.

Храмовый праздник

Как обычно храмовый праздник мы встретили с особенной торжественностью. В этом году нас посетили гости из Ржева и Сычевки во главе с протоиереем Евгением Чуниным. Праздник украсило служение протодиакона Иоанна Чунина, его сына священосца Романа и чтеца Александра Гладышева. Из наших певцов отметим Геннадия Павловича Токарева, Феодосия Зинченко, Сергея и Татьяну Минаковых. Вместе хор звучал мощно, но без надрыва и крика, как, увы, бывает у тщеславных певцов, измеряющих красоту пения громкостью звука. За праздничным столом мы продолжили обсуждение темы церковного пения и пришли к выводу, что нашим клирошан необходимо перенимать опыт и традиции гостей, для чего нужно съездить во Ржев. Отец Евгений пригласил нас в город на Волге, и мы с удовольствием приняли это приглашение.

Надо сказать, что между нашими общинами сложились довольно давние и дружеские отношения. Дети из нашего прихода ещё с середины 1990-х годов ездят отдыхать в детский христианский лагерь «Ржевская обитель». О. Иоанн неоднократно участвовал в летней образовательной смене этого лагеря, а о. Евгений также не раз бывал в Калуге. В ржевской типографии напечатаны книги Виктора Боченкова о старообрядчестве Калуги и области. Кроме того, людиновские христиане до недавнего времени ездили молиться именно во Ржев, так как туда ходил прямой поезд и там проживали родственники.

В приветственном слове о. Евгений отметил отличительную особенность наших прихожан: большинство богомольцев приходят в церковь утром до начала службы. Это похвально и далеко не везде наблюдается. Он пожелал нам мира, приумножения паствы и скорейшего освящения основного престола!

Описание Знаменской церкви середины XIX в.

Продолжая сбор материалов по истории нашего Знаменского храма, в «Калужских епархиальных ведомостях» за 1866 г. № 22 удалось обнаружить «Описание некоторых древних церквей города Калуги», сделанное Ив. Богдановым, в том числе публикуемую ныне заметку, где повествуется, какими достопримечательностями обладал храм в середине XIX в. Это, к сожалению, ныне уже не сохранившаяся роспись стен, некоторые иконы и складни. От иконостаса остались лишь старинные тлябля с фрагментами орнамента. Автор описывает внешний вид храма и колокольни. Говорит, что церковь была раскрашена, однако, реставраторы в 1970-х годах констатировали, что «следов первоначальной покраски не обнаружено».

Каких-либо сведений об авторе нам установить не удалось. Но это свидетельства очевидца, и тем они для нас особенно ценны. Ниже публикуем эту заметку целиком с примечаниями автора.

Церковь Знамения Пресвятыя Богородицы (построена в 1720 году)

Церковь Знамения Пресвятыя Богородицы по времени постройки не может быть отнесена к древним архитектурным памятникам, но, хорошо сохранившись, почти в том виде, как она выстроена, и отличаясь древним характером, представляет несомненный археологический интерес.

Пять глав, венчающие Знаменскую церковь, пирамидальная невысокая колокольня, несимметрично и неправильно пристроенный придел по правую сторону церкви и вместе с тем некоторая грациозность и правильность отдельных частей здания представляют переходную ступень от древних построек русского стиля к более цивилизованным постройкам XVII–XVIII века.

Архитектура колокольни гораздо древнее церкви, несмотря на одновременную постройку. Заметно, что при сооружении этого храма в самой церкви вводились некоторые изменения и отступления от древних образцов, а колокольня целиком скопирована с какого-нибудь весьма древнего архитектурного памятникаⁱ.

Наружными украшениями Знаменская церковь бедна; есть основание предполагать, что в начале своего существования вся церковь была раскрашена разноцветными колерамиⁱⁱ. Остатки этой раскраски довольно сохранились на церковных главах и на крыше колокольни.

Конструкция сводов древняя; купол церкви внутри красиво разделан и расписан в русском вкусе.

Иконостас древней формы, увенчан распятием на кресте и четырьмя фигурами по бокам, написанными на досках и вырезанными силуэтом. Над первым ярусом икон на карнизе иконостаса помещены четыре скульптурные фигуры Евангелистов резной древней работы. Царские врата красивой старинной формы, над ними в том месте, где принято помещать икону Св. Духа, поставлено резное барельефное изображение Господа Саваофаⁱⁱⁱ.

Иконная живопись довольно древняя^{iv}. Стенная живопись, относящаяся к одному времени с постройкой храма, бесспорно, составляет самый достопримечательный предмет Знаменской церкви.

Своды трапезы опираются на большой четырехугольный столб, образующий две арки и служащий, таким образом, к отделению трапезы от придела Св. великомученицы Варвары. Столб этот украшен деревянными резными украшениями в русском вкусе и иконами довольно древнего иконописания.

Особенно замечательны в художественном и археологическом отношении следующие предметы Знаменской церкви:

I. Стенная иконопись церкви на стене, противоположной иконостасу. Содержание изображений заимствовано из

Церковь Знамения, вид с восточной стороны. 1961 г. На этой фотографии из фондов ГАКО можно видеть, какой была алтарная апсида в середине XIX в.: конструкция крыши была барочной, а в центре восточный фасад украшал двухколонный портик в стиле классицизма. Колонны портика имели белокаменные базы и капители. Во фронте портика было живописное изображение. В целом, апсида церкви в большей степени, чем остальное здание, претерпевала изменения. Первоначальный вид апсиды и крыши был восстановлен советскими реставраторами в 1968 - 1970 гг., но при этом они сохранили карнизы с модульонами.

Апокалипсиса. Живопись эта по своей характерности может служить образцом роскошной византийской иконописи^v.

II. В иконостасе главной церкви — древней формы и работы складни с образом Владимирской Божьей Матери.

КАЛУЖСКИЯ ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Калужские епархиальные ведомости - официальное издание Калужской и Боровской епархии, один из самых старых епархиальных журналов РПЦ, начавший выходить по инициативе еп. Калужского Григория (Митькевича) с янв. 1862 г. Издавался до января 1907 г. 2 раза в месяц. Каждый номер состоял из официальной и неофициальной частей с раздельной пагинацией. Неофициальная часть до 1894 г. называлась «Прибавлениями».

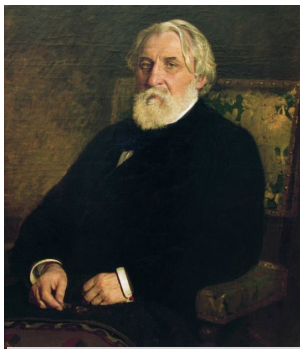
ⁱ В то время колокольни строились уже гораздо выше, пирамидообразные крыши делались острее (См. современную церковь Знамения постройки — церковь «Георгия за Верхом»).

ⁱⁱ В старину была в большом обыкновении подобная раскраска как деревянных, так и каменных зданий, напр. Василия Блаженного в Москве, Трапеза в Троицкой Лавре.

ⁱⁱⁱ Древний обычай.

^{iv} Большая часть икон древнее самой церкви; это видно из записей, сохранившихся на некоторых иконах.

^v Предание говорит, что живопись эта работы придворного художника эпохи Петра I, но по какому-то случаю скрывавшемуся в Калуге. Этому же художнику приписывают работу некоторых икон в Воскресенской и Георгиевской церквах. Насколько верно это предание — судить нельзя. Можно только сказать, что, судя по приемам и манере, как живопись эта, так и упомянутые иконы, — работы одного художника, и действительно выдаются из ряда обыкновенной старинной иконописи.

Тургенев И.С.
Илья Репин. 1874

В 2018 году исполнилось 200 лет со дня рождения Ивана Тургенева. Мы можем вспомнить он нем не только потому, что писатель давно стал классиком, включенным в школьную программу. Тургенев был связан с нашим краем. Здесь, в калужской глубинке, были принадлежавшие ему земли, он охотился, и некоторых героев своих рассказов повстречал именно в Калужской губернии. Рассказ «Собака», который мы публикуем, не самый сильный в тургеневском наследии. Его можно назвать литературным анекдотом, шуткой. В свое время он вызвал самые противоречивые отзывы, и отрицательные, и положительные. Один из героев рассказа – калужский помещик, другой старообрядец. Мы подумали, что это будет интересно, и решили напомнить об этом рассказе.

Текст мы сопроводили комментариями из седьмого тома полного собрания сочинений и писем И.С. Тургенева в 30-ти тт. (М., 1981), а также из статьи Ю.В. Масловой «Как старовер спас калужского помещика от наваждения», опубликованной в вып. 15 журнала «Старообрядчество: история, культура, современность».

Иван Тургенев СОБАКА

...Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после этого должен играть здравый рассудок? – провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки на желудке.

Антон Степаныч состоял в чине статского советника, служил в каком-то мудреном департаменте и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, «влепили станицлашку»¹.

– Это совершенно справедливо, – заметил Скворевич.

– Об этом и спорить никто не станет, – прибавил Кинаревич.

– И я согласен, – поддакнул фистулой из угла хозяин дома, г. Финоплентов.

– А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самим произошло нечто сверхъестественное, – проговорил мужчина среднего роста и средних лет, с брюшком и лысиной, безмолвно до тех пор сидевший за печкой. Взоры всех находившихся в комнате с любопытством и недоумением обратились на него – и воцарилось молчанье.

Этот мужчина был небогатый калужский помещик, недавно приехавший в Петербург. Он некогда служил в гусарах, проигрался, вышел в отставку и поселился в деревне. Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы², и он отправился в столицу поискать удобного местечка. Он не обладал никакими способностями и не имел никаких связей; но он крепко надеялся на дружбу одного старинного сослуживца, который вдруг ни с того ни с сего выскочил в люди и которому он однажды помог приколлотить шулера. Сверх того он рассчитывал на свое счастье – и оно ему не изменило; несколько дней спустя он получил место надзирателя над казенными магазинами³, место выгодное, даже почетное и не требовавшее отменных талантов: самые магазины существовали только в предположении, и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, – а придумали их в видах государственной экономии.

Антон Степаныч первый прервал общее оцепенение.

– Как, милостивый государь мой! – начал он, – вы не шутя утверждаете, что с вами произошло нечто сверхъестественное – я хочу сказать: нечто не соответствующее законам природы?

– Утверждаю, – возразил «милостивый государь мой», настоящее имя которого было Порфирий Капитоныч⁴.

– Не соответствующее законам природы! – повторил с сердцем Антон Степаныч, которому, видимо, понравилась эта фраза.

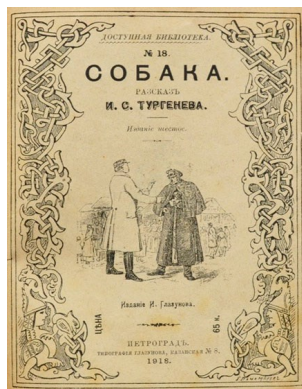
– Именно... да; вот именно такое, как вы изволите говорить.

– Это удивительно! Как вы полагаете, господа? – Антон Степаныч потщился придать чертам своим выражение ироническое, но ничего не вышло или, говоря правильнее, вышло только то, что вот, мол, господин статский советник дурной запах почуял. – Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, – продолжал он, обращаясь к калужскому помещику, – передать нам подробности такого любопытного события?

– Отчего же? Можно! – отвечал помещик и, развязно пододвинувшись к середине комнаты, заговорил так:

– У меня, господа, как вам, вероятно, известно – а может быть, и неизвестно – небольшое имение в Козельском уезде. Прежде я извлекал из него некоторую пользу – но теперь, разумеется, ничего, кроме неприятностей, предвидеть нельзя. Однако побочку политику! Ну-с, в этом самом имении у меня усадьба «махенькая»: огород, как водится, прудишко с карасишками, строения кой-какие – ну, и флигелек для собственного грешного тела... Дело холостое. Вот-с, однажды – годов этак шесть тому назад – вернулся я к себе домой довольно поздно: у соседа в картишки перекинул, – но притом, прошу заметить, ни в одном, как говорится, глазе; разделся, лег, задул свечку. И представьте вы себе, господа: только что я задул свечку, завозилось у меня под кроватью! Думаю – крыса? Нет, не крыса: скребет, возится, чешется... Наконец ушами захлопало!

Понятное дело: собака. Но откуда собаке взяться? Сам я не держу; разве, думаю, забежала какая-нибудь «заболтущая»? Я кликнул своего слугу; Филькой он у меня прозывается. Вошел слуга со свечкой. «Что это, – я говорю, – братец Филька, какие у тебя беспорядки! Ко мне собака под кровать затесалась». – «Какая, говорит, собака?» – «А я почем знаю? – говорю я, – это твое дело – барина до беспокойства не допускать». Нагнулся мой Филька, стал свечкой под кроватью водить. «Да тут, говорит, никакой собаки нету». Нагнулся и я: точно, нет собаки. – Что за притча! –

¹ Орден св. Станислава, один из низших орденов Российской империи.

² Имеется в виду отмена крепостного права в 1861 г. Отметим, что замысел рассказа возник у Тургенева в 1859 г. И эта дата далеко не случайна. Именно в этом году историк Афанасий Прокофьевич Шапов издал книгу «Русский раскол старообрядчества», в которой подошел к теме раскола не только как к религиозному, но и как к историко-бытовому и социальному явлению. Отношение же самого Тургенева к старообрядчеству было довольно прохладным.

³ Государственными складами.

⁴ Зная юношеское увлечение Тургенева философией, можно предположить, что писатель дал имя своему главному герою в честь античного философа-неоплатоника Порфирия Тирского, придававшего большое значение практической мистике.

Вскинул я глазами на Фильку, а он улыбается. «Дурак, – говорю я ему, – что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вероятно, как ты стал отворять дверь, взяла да и шмыгнула в переднюю. А ты, ротозей, ничего не заметил, потому что ты вечно спишь. Уж не воображаешь ли ты, что я пьян?» Он захотел было возражать, но я его прогнал, свернулся калачиком и в ту ночь уже ничего не слышал.

Но на следующую ночь – вообразите! – то же самое повторилось. Как только я свечку задул, опять скребет, ушами хлопает. Опять я позвал Фильку, опять он поглядел под кроватью – опять ничего! Услал я его, задул свечку – тыфу ты ...! собака тут как тут. И как есть собака: так вот и слышно, как она дышит, как зубами по шерсти перебирает, блох ищет... Явственно таково! «Филька! – говорю я, – войди-ка сюда без свечки!» Тот вошел. «Ну, что, говорю, слышишь?» – «Слышу», – говорит. Самого-то мне его не видать, но чувствую я, что струхнул малый. «Как, говорю, ты это понимаешь?» – «А как мне это понимать прикажете, Порфирий Капитоныч? – Наваждение!» – «Ты, – я говорю, – беспутный человек, молчи с наваждением-то с своим...» А у обоих-то у нас голоса словно птичьи, и дрожим-то мы как в лихорадке – в темноте-то. Зажег я свечку: ни собаки нет, ни шума никакого – а только оба мы с Филькой – белые, как глина. Так свечка у меня до утра и горела. И доложу я вам, господа, – верьте вы мне или нет – а только с самой той ночи в течение шести недель та же история со мной повторялась. Под конец я даже привык и свечку гасить стал, потому мне при свете не спится. Пусть, мол, возитесь! Ведь зла она мне не делает.

– Однако, я вижу, вы не трусливого десятка, – с полупрезрительным, полуснисходительным смехом перебил Антон Степаныч. – Сейчас видно гусара!

– Вас-то я бы ни в каком случае не испугался, – промолвил Порфирий Капитоныч и на мгновение действительно посмотрел гусаром. – Но слушайте далее. Приезжает ко мне один сосед, тот самый, с которым я в картишки перекидывал. Пообедал он у меня чем Бог послал, спустил мне рубликов пятьдесят за визит; ночь на дворе – убраться пора. А у меня свои соображения. «Останься, говорю, ночевать у меня, Василий Васильич; завтра отыграешься, даст Бог». Подумал, подумал мой Василий Васильич, остался. Я ему кровать у себя же в спальне поставил приказал... Ну-с, легли мы, покурили, покалякали – всё больше о женском поле, как оно и приличествует в холостой компании, посмеялись, разумеется; смотрю: погасил Василий Васильич свою свечку и спиной ко мне повернулся; значит: «шлафензиволь»⁵. Я подождал маленько и тоже погасил свечку. И представьте: не успел я подумать, что, мол, теперь какой карамболь⁶ произойдет как уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: из-под кровати вылезла, через комнату пошла, когтями по полу стучит, ушами мотает, да вдруг как толкнет самый стул, что возле Василия Васильевичевой кровати! «Порфирий Капитоныч, – говорит тот, и таким, знаете, равнодушным голосом, – а я и не знал, что ты собаку приобрел. Какая она, легавая, что ли?» – «У меня, говорю, собаки никакой нет и не бывало никогда!» – «Как нет? А это что?» – «Что это? – говорю я, – а вот зажги свечку, так сам узнаешь». – «Это не собака?» – «Нет». Повернулся Василий Васильич на постели. «Да ты шутишь, ...?» – «Нет, не шучу». Слышу я: он чёрк, чёрк спичкой, а та-то, та-то всё не унимается, бок себе чешет. Загорелся ого-

нек... и баста! След простыл! Глядит на меня Василий Васильич – и я на него гляжу. «Это, говорит, что за фокус?» – «А это, – говорю я, – такой фокус, что посади ты с одной стороны самого Сократа, а с другой Фридриха Великого⁷, так и те ничего не разберут». И тут же я ему всё в подробности рассказал. Как вскопиг мой Василий Васильич! Словно обожженный! В сапоги-то никак не попадет. «Лошадей! – кричит, – лошадей!» Стал я его уговаривать, так куда! Так и взмахался. «Не останусь, кричит, ни минуты! – Ты, значит, после этого оглашенный человек! – Лошадей!..» Однако я его уломал. Только кровать его перетасили в другую комнату – и ночники везде запалили. Поутру, за чаем, он остепенился; стал советы мне давать. «Ты бы, говорит, Порфирий Капитоныч, попробовал на несколько дней из дому отлучиться: может, эта пакость от тебя бы отстала». А надо было сказать: человек он – сосед мой – был ума обширного! Тещу свою, между прочим, так обработал чудесно: вексель ей подsunул; значит, выбрал же самый чувствительный час! Шёлковая стала; доверенность дала на управление всем имением – чего больше? А ведь это какое дело – тещу-то скрутить, а? Сами извольте посудить. Однако уехал он от меня в некотором неудовольствии: я-таки его опять рубликов на сотню наказал. Даже ругал меня; говорил, что ты-де неблагодарен, не чувствуешь; а я чем же тут виноват? Ну, это само собою, – а совет я его к сведению принял: в тот же день укатил в город, да и поселился на постоялом дворе у знакомого старичка из раскольников. Почтенный был старичок, хотя и суров маленько по причине одиночества: вся семья у него перемерла. Только уж очень табаку не жаловал и к собакам чувствовал омерзенье великое⁸; кажется, чем, например, ему собаку в комнату впустить согласиться – скорей бы сам себя пополам перервал! «Потому, говорит, как же возможно! Тут у меня в светлице на стене сама Владычица пребывать изволит, и тут же пес поганый рыло свое нечестивое уставит». Известно – необразование! А впрочем, я такого мнения: кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся!

– Да вы, я вижу, великий философ, – вторично и с тою же усмешкой перебил Антон Степаныч.

Порфирий Капитоныч на этот раз даже нахмурился.

– Какой я философ, это еще неизвестно, – промолвил он с угрюмым подергиваньем усов, – но вас бы я охотно взял в науку.

Мы все так и впилсь в Антона Степаныча; всякий из нас ожидал горделивого ответа или хотя молниеносного взгляда... Но господин статский советник перевел свою усмешку из презрительной в равнодушную, потом зевнул, поболтал ножкой – и только!

– Вот у этого-то старичка я и поселился, – продолжал Порфирий Капитоныч. – Комнатку он мне отвел, по знакомству, не из лучших; сам он помещался тут же за перегородкой – а мне только этого и нужно. Однако принял я в те поры муки! Комнатка небольшая, жара, этга, духота, мухи, да какие-то клейкие; в углу киотище необыкновенный, с древнейшими образами; ризы на них тусклые да дутые; маслом так и разит, да еще какою-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а из-под нее таракан бежит... я уж со скуки чаю до невероятности напился – просто беда! Лег я; спать нет возможности – а за перегородкой хозяин вздыхает, кряхтит, молитвы читает. Ну, однако, угомонился, наконец. Слышу: похрапывать стал – да так

⁵ От нем.: Schlaffen Sie wohl – спокойной ночи.

⁶ Карамболь – прием в бильярдной партии из трех шаров, когда шар, ударив второй и отразившись, должен задеть третий шар; здесь употреблено в смысле: сложная ситуация.

⁷ Сократ (465–399 гг. до н. э.) – древнегреческий философ; Фридрих II (1712–1786) – прусский король и полководец, выдвинувший Пруссию благодаря своим завоеваниям в число великих держав.

⁸ По христианскому обычаю, строго соблюдаемому старообрядцами, в жилище, а тем более в комнату с иконами, нельзя впускать собаку. Курение табака также считалась не только тяжким грехом, но и крайне нечестивым обычаем. Характерна поговорка: «Кто курит табак, тот хуже собак». Члены же синодальной церкви были более либеральны в отношении бытовых устоев и норм поведения. В середине XIX века табачничество стало совершенно обычным, рядовым и весьма распространенным явлением в среде духовенства и монашества господствующего вероисповедания.

полегоньку, по-старомодному, вежливенько. Свечку-то я давно загасил – только лампадка перед образами горит... Помеха, значит! Вот я возьми да встань тихохонько, на босу ногу; подмостился к лампадке да и дунул на нее... Ничего. «Эге! – думаю, – знать, у чужих-то не берет...» Да только что опустился на постель – опять пошла тревога! И скребет, и чешет, и ушами хлопает... ну, как быть следует! Хорошо. Я лежу, жду, что будет? Слышу: просыпается старик. «Барин, говорит, а барин?» – «Что, мол?» – «Это ты лампадку погасил?» Да ответа моего не дождавшись, как залочет вдруг: «Что это? что это? собака? собака! Ах ты, никонианец окаянный!» – «Погоди, говорю, старик, браниться – а ты лучше приди-ка сам сюда. Тут, я говорю, дела совершаются удивления достойные». Повозился старик за перегородкой и вошел ко мне со свечкой, тоненькой-претоненькой, из желтого воску; и удивился же я, на него глядячи! Сам весь шершавый, уши мохнатые, глаза злые, как у хорька, на голове шапонька белая войлочная, борода по пояс, тоже белая, и жилет с медными пуговицами на рубаше, а на ногах меховые сапоги – и пахнет от него можжевельником⁹. Подошел он в таком виде к образам, перекрестился три раза крестом двуперстным, лампадку засветил, опять перекрестился – и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! И тут я ему, нимало не медля, всё обстоятельно сообщил. Выслушал все мои объяснения старина и хоть бы словечко проронил: только знай головой потряхивает. Присел он потом, этта, ко мне на кровать – и всё молчит. Чешет себе грудь, затылок и прочее – и молчит. «Что ж, – говорю я, – Федул¹⁰ Иваныч, как ты полагаешь: наваждение это какое, что ли?» Старик посмотрел на меня. «Что выдумал! наваждение! Добро бы у тебя, табашника, – а то здесь! Ты только то сообрази: что тут святости! Наваждения захотел!» – «А коли это не наваждение – так что же?» Старик опять помолчал, опять почесался и говорит наконец, – да глухо так, потому усы в рот лезут: «Ступай ты в град Белев¹¹. Окромя одного человека, тебе помочь некому. И живет сей человек в Белеве, из наших. Захочет он тебе поспособствовать – твое счастье; не захочет – так тому и быть». – «А как мне его найти, человека сего?» – говорю я. «Это мы тебя направить можем, – говорит, – а только какое это наваждение? Это есть явление, а либо знамение; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, с батюшкой со Христом; я ладанком покурю; а на утрие мы побеседуем. Утро, знаешь, вечера мудренее».

Ну-с, и побеседовали мы на утрие – а только от этого от самого ладану я чуть не задохнулся. И дал мне старик наставление такого свойства: что, приехавши в Белев, пойти мне на площадь и во второй лавке направо спросить некоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась в клочке бумаги, на которой стояло следующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Сергию Прохоровичу Первущину. Сему верь. Феодулий Иванович». А внизу: «Капустки пришли,

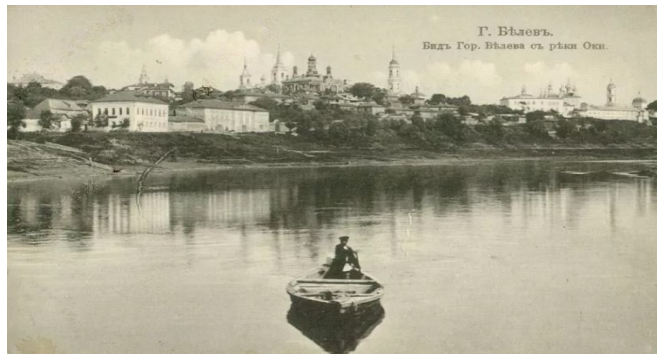
Бога для».

Поблагодарил я старика – да без дальнейших рассуждений велел заложить тарантас и отправился в Белев. Потому я так соображал: хотя, положим, от моего ночного посетителя мне большой печали нет, однако все-таки оно жутко, да и, наконец, не совсем прилично дворянину и офицеру – как вы полагаете?

– И неужели вы поехали в Белев? – прошептал г. Финоплентов.

– Прямо в Белев. Пошел я на площадь, спросил во второй лавке направо Прохорыча. «Есть, мол, говорю, такой человек?» – «Есть», – говорят. «А где живет?» – «На Оке, за огородами». – «В чем доме?» – «В своем». Отправился я на Оку, отыскал его дом, т.е. в сущности не дом, а простую лачугу. Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так... мешанинишко по наружности, стоит ко мне спиной, копается в капустнике. Я подошел к нему. «Вы, мол, такой-то?» Он обернулся – и доложу вам поистине: этаких пронизательных глаз я отроду не видывал. А впрочем, всё лицо с кулачок, борода клином, и губы ввалились: старый человек. «Я такой-то, – говорит, – что вам надобе?» – «А вот, мол, что мне надобе», – да и грамоту ему в руку¹². Он посмотрел на меня пристально таково да и

говорит: «Пожалуйте в комнату; я без очков читать не могу». Ну-с, пошли мы с ним в его хибарку – и уж точно хибарка: бедно, голо, криво; как только держится. На стене образ старого письма, как уголь черный: одни белки на ликах так и горят. Достал он из столика железные круглые очки, надел себе на нос, прочел грамотку да через очки опять на меня посмотрел. «Вам до меня нужда имеется?» – «Имеется, говорю, точно». – «Ну, говорит, коли имеется, так докладывайте, а мы послушаем». И представьте вы себе: сам сел и платок клетчатый из кармана достал и у себя на коленях разложил – и платок-то дырявый – да так важно на меня взирает, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажает меня. И что еще удивительнее: чувствую я вдруг, что робею, так робею... просто душа в пятки уходит. Нижет он меня глазами насквозь, да и полно! Однако я поправился да и рассказал ему всю мою историю. Он помолчал, поежился, пожевал губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки как сенатор, величественно так, не торопясь: «Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты?» Потом он опять губами пожевал, нахмурился, палец усталил да и говорит: «Иконе святой поклонитесь, честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию¹³». Я поклонился в землю – и так уж и не поднимаюсь; такой в себе страх к тому человеку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы он ни прикажи, исполню тотчас же!.. Вы вот, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мне не до смеху было тогда, ей-ей. «Встаньте, господин, – проговорил он наконец. – Вам помочь можно. Это вам не в наказание наслано, а в предостережение; это, значит, попечение о вас имеется; добре, знать, кто за вас молится. Ступайте вы теперь на базар и

⁹Такое, весьма сатиричное, описание внешности Феодула в виде домашнего подчеркивает «мистический» характер рассказа. Домовой в обыденном представлении призван отводить беду от дома и человека, поэтому Феодул в виде «домового» и подсказывает выход из «странной» истории. Кроме того, следует помнить о неприятии писателем, заядлым собачником, любых запретов в отношении питомцев.

¹⁰Имя Феодул означает "раб Божий".

¹¹Город в Тульской губернии. Расстояние от Козельска до Белева – 40 км.

¹²Эпизод напоминает фрагмент из жития преподобного Сергия Радонежского, когда некий поселянин не узнал прославленного игумена в бедной одежде в поте лица трудящегося. Отсюда, возможно, имя героя. А его отчество, можно предположить, дано по имени епископ ростовского Прохора, которому в год рождения Сергия (1314) было явление иконы Божией Матери на реке Толге.

¹³Инок Савватий (ум. в 1434 г.) и Зосима (ум. в 1478 г.) – основатели Соловецкого монастыря на Белом море. Для любого старообрядца эти святые – знаковые фигуры. Инок соловецкого монастыря остались верны старой вере и приняли мученическую кончину за древнее благочестие.

купите вы себе собаку-щенка, которого вы при себе держите неотлучно – день и ночь. Ваши виденья прекратятся, да и, кроме того, будет вам та собака на потребу».

Меня вдруг точно светом озарило: уж как же мне эти слова полюбились!¹⁴ Поклонился я Прохорычу и хотел было уйти, да вспомнил, что нельзя же мне его не поблагодарить, – достал из кошелка трехрублевую бумажку. Только он мою руку отвел от себя прочь и говорит мне: «Отдайте, говорит, в часовенку нашу али бедным, а услуга та неоплатная». Я опять ему поклонился – чуть не в пояс – и тотчас марш на базар! И вообразите: только что стал я подходить к лавкам – глядь, ползет ко мне навстречу фризровая шинель¹⁵ и под мышкой несет легавого щенка, двухмесячного, коричневой шерсти, белогубого, с белыми передними лапками. «Стойте! – говорю я шинели, – за сколько продаешь?» – «А за два целковых». – «Возьми три!» Тот удивился, думает, с ума барин спятил – а я ему ассигнацию в зубы, щенка в охапку, да в тарантас! Кучер живо запряг лошадей, и в тот же вечер я был дома. Щенок всю дорогу у меня за пазухой сидел – и хоть бы пикнул; а я ему всё: «Трезорушко! Трезорушко!»¹⁶ Тотчас его накормил, напоил, велел соломы принести, уложил его, и сам шмыг в постель! Дунул на свечку: сделалась темнота. «Ну, говорю, начинай!» Молчит.

«Начинай же, говорю, такая-сякая!» Ни гугу, хоть бы на смех. Я куражиться стал: «Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая!» Ан не тут-то было – шабаш! Только и слышно, как щенок пыхтит. «Филька! – кричу, – Филька! Поди сюда, глупый человек!» – Тот вошел. – «Слышишь ты собаку?» – «Нет, говорит, барин, ничего не слышу» – а сам смеется. – «И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинник тебе на водку!» – «Пожалуйте ручку», – говорит дурак и впотымах-то лезет на меня... Радость, доложу вам, была большая.

– И так всё и кончилось? – спросил Антон Степаныч уже без иронии.

– Видения кончились, точно – и уже беспокойств никаких не было – но, погодите, всей штуке еще не конец. Стал мой Трезорушко расти – вышел из него гусь лапчатый. Толстостылый, тяжелый, вислоухий, брылястый¹⁷ – настоящий «шпиль-аванц»¹⁸. И притом ко мне привязался чрезвычайно. Охота в наших краях плохая – ну, а все-таки, как завел собаку, пришлось и ружьишком запастись. Стал я со своим Трезором таскаться по окрестностям: иногда зайца подшибешь (уж и гонялся же он за этими зайцами, Боже мой!), а иногда и перепелку или уточку. Но только главное: Трезор от меня ни на шаг. Куда я – туда и он; даже и в баню его с

Старообрядчество Белёва

О старообрядчестве Белева известно из статьи «О единоверии и единоверческой церкви в г. Белеве» протоиерея Михаила Федоровича Бурцева, опубликованной в 1902 г. в «Тульских епархиальных ведомостях» №11-15. С момента раскола Церкви почти все жители города остаются верны старой вере. Немалую роль в этом сыграл пример Павла Коломенского – епископа соседней епархии. Коломна была на водном пути, по которому белевцы «водили» свои барки, струга и баржи в Москву, и могли беседовать с владыкой о вере. Кроме того, известно, что ядром кружка ревнителей благочестия в доме боярыни Морозовой была группа Белевских инокинь во главе со старицей Маланией (в иночестве Александрой). В свое время из Белевского монастыря в Москву уехали почти все иночествующие, встав на сторону защитников древлеправославия.

Самым известным белевским священником среди старообрядцев уже в 1660-х гг. становится о. Стефан Иванов. Есть предположение, что он был священником Вознесенской церкви Белева. Он один из первых уезжает в Стародубье. Вне России в конце XVII в. крупнейшим центром старообрядчества становится Ветка. Там в 1695 г. была построена и освящена церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Антиминс для храма был привезен упомянутой выше старицей Меланией. До начала XIX в. Ветка являлась центром всех старообрядцев-поповцев. Именно там принимали беглых попов и затем рассылали их по приходам.

Близкое расположение Белева к Ветке предопределило и конфессиональную принадлежность жителей, подавляющее большинство которых принадлежало к Ветковскому согласию. Между Белевом, Стародубьем и Веткою существовала тесная связь, жители Белевского уезда активно вели с этими регионами торговые и другие дела, часто переезжая туда на жительство. На протяжении 150 лет Белев играл роль убежища для скрывающихся старообрядцев и был неким центром, откуда расходились по разным, даже самым отдаленным местам, не только священники, но и уставщики, начетчики, иноки и инокини и куда стремились многие желающие научиться старой вере. Ветковцы и Стародубцы вплоть до конца XIX в. высоко ценили белевских попов.

Такое положение объясняется тем, что Белев находился в подчинении Крутицкого митрополита. Весьма далекое расстояние от центра епархии приводило к почти полному отсутствию присмотра за местным духовенством и прихожанами. Надежды на более активную работу по вовлечению старообрядцев в лоно господствующей церкви возлагались на организацию местной епархии. Но Тульская епархия была открыта лишь в 1799 г. с назначением Белева вторым кафедральным городом.

Несмотря на преследования со стороны духовных и светских властей, старообрядцы смогли приспособиться и жить с ними мирно: они подкупали синодальных священников, чтоб те не доносили на них; даже для вида крестили, венчали и исполняли другие церковные требы, а потом в кельях и молебных «ночью перевенчивали и перекрещивали». Известный житель города и крупный благотворитель А.М. Бобков на своем обширном дворе содержал до 50 таких келий. Улицы Зосимовская и Моленная были сплошь заселены старообрядцами. Отдельной старообрядческой церкви в Белеве не было, но в середине XIX в. они имели в городе как минимум три моленных дома. Один из них был построен «самовольно, без дозволения начальства» и находился на видном месте на Козельской улице.

В 1811 г. в Белеве числилось 474 старообрядца ветковского согласия (149 мужского пола и 325 женского пола), а в 1820 г. показано 703 записных старообрядца (293 мужского пола и 410 женского пола). В 1862 г. в г. Белеве проживало 7680 чел., в том числе 161 старообрядец и 47 единоверцев. В Белевском уезде соответственно проживало 59154 чел., и только 236 старообрядцев и 127 единоверцев.

С 1806 по 1818 гг. белевские старообрядцы пытались открыть свой храм, но им это не удалось. Зато церковным властям удалось навязать части старообрядцев единоверие. Был построен единоверческий храм Вознесения Господня – единственный на всю Тульскую губернию. В результате к началу XX в. белевские старообрядцы «рассыпались», разбрелись по другим городам и весям...» и «трансформировались» в христиан синодальной церкви.

В настоящее время в Белёве, увы, нет старообрядцев.

¹⁴ Писатель нарочито противопоставляет светскую мудрость калужского помещика простоте христианской веры старика Первушина.

¹⁵ Шинель из дешевой шерстяной ткани, какие носили мелкие чиновники.

¹⁶ От фр.: Tрезор – сокровище.

¹⁷ Толсторылый, с большими отвислыми губами.

¹⁸ Легавая собака, делающая стойку на дичь, – от франц. piller – хватать и avance – шаг вперед.

собой водил, право! Одна наша барыня меня за самого за этого Трезора из гостинной приказала было вывести, да я такую штурму поднял: что одних стекол у ней перебил! Вот-с, однажды, дело было летом... И, скажу вам, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнит; в воздухе не то дым, не то туман, пахнет гарью, мгла, солнце, как ядро раскаленное, а что пыли – не прочихнешь! Люди так разинувши рты и ходят, не хуже ворон. Соскучилось мне этак дома всё сидеть, в полнейшем дезабилье, за закрытыми ставнями; к стати же жара начинала сваливать... И пошел я, государи мои, к одной своей соседке. Жила же она соседка от меня в версте – и уж точно благодетельная была дама. В молодых еще цветущих летах и наружности самой располагающей; только нрав имела непостоянный. Да это в женском поле не беда; даже удовольствие доставляет... Вот добрался я до ее крылечка – и солоно же мне показалось это путешествие! Ну, думаю, убоготорит меня теперь Нимфодора Семеновна брусничной водой, ну и другими прохладами – и уже за ручку двери взялся, как вдруг за углом дворовой избы поднялся топот, визг, крик мальчишек... Я оглядываюсь. Господи Боже мой! прямо на меня несется огромный рыжий зверь, которого я с первого взгляда и за собаку-то не признал: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбом... Не успел я дыхание перевести, как уж это чудовище вскопало, на крыльцо, поднялось на задние лапы и прямо ко мне на грудь – каково положение? Я замер от ужаса и руки не могу поднять, одурел вовсе... вижу только страшные белые клыки перед самым носом, красный язык, весь в пене. Но в то же мгновенье другое, темное тело взвилось передо мною, как мячик, – это мой голубчик Трезор заступился за меня; да как пивавка тому-то, зверю-то, в горло! Тот захрипел, заскрежетал, отшатнулся... Я разом рванул дверь и очутился в передней.

Стою, сам не свой, всем телом на замок налег, а на крыльце, слышу, происходит баталья отчаянная. Я стал кричать, звать на помощь; все в доме всполошились. Нимфодора Семеновна прибежала с распущенной косой, на дворе загомонили голоса – и вдруг послышалось: «Держи, держи, запри ворота!» Я отворил дверь – так, чуточку – гляжу: чудовища уже нет на крыльце, люди в беспорядке мечутся по двору, махают руками, поднимают с земли поленья – как есть очумели. «На деревню! на деревню убегла!» – визжит какая-то баба в кичке необыкновенных размеров, высунувшись в слуховое окно. Я вышел из дома. «Где, мол, Трезор?» – и тут же увидел моего спасителя. Он шел от ворот, хромой, весь искусанный, в крови... «Да что такое, наконец?» – спрашиваю у людей, а они кружатся по двору, как угорелые. «Бешеная собака! – отвечают мне, – графская; со вчерашнего дня здесь мотается».

У нас был сосед, граф; тот замарских собак навез, престрашенных. Поджилки у меня затряслись; бросился к зеркалу, посмотреть, не укушен ли я? Нет, слава Богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежит на диване и клохчет курицей. Да оно и понятно: во-первых, нервы, во-вторых, чувствительность. Ну, однако, пришла в себя и спрашивает меня, томно так: жив ли я? Я говорю, жив, и Трезор мой избавитель. «Ах, говорит, какое благородство! И стало быть, бешеная собака его задушила?» – «Нет, говорю, не задушила, а ранила сильно». – «Ах, говорит, в таком случае его надо сию минуту пристрелить!» – «Ну, нет, говорю, я на это не со-

гласен; я попробую его вылечить...» Тем временем Трезор стал скрестись в дверь: я было пошел ему отворять. – «Ах, говорит, что вы это? Да он нас всех перекусает!» – «Помилуйте, говорю, яд не так скоро действует». – «Ах, говорит, как это возможно! Да вы с ума сошли!» – «Нимфочка, говорю, успокойся, прими резон...» А она как крикнет вдруг: «Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой!» – «И уйду», – говорю. – «Сейчас, говорит, сию секунду! Удались, говорит, разбойник, и на глаза мне не смей никогда показываться. Ты сам можешь взбеситься!» – «Очень хорошо-с, – говорю я, – только дайте мне экипаж, потому что я теперь пешком идти домой опасаясь». Она усталилась на меня. «Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочет, лишь бы провалился поскорее. Ах, какие глаза! ах, какие у него глаза!» Да с этими словами из комнаты вон, да встрешную девку по щеке – и слышу, с ней опять припадок. И поверите ли вы мне, господа, или нет, а только с самого того дня я с Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратил; а по зрелом соображении всех вещей не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязан моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску. Ну-с, велел я заложить коляску, усадил в нее Трезора и поехал к себе домой. Дома я его осмотрел, обмыл его раны – да и думаю: повезу я его завтра чуть свет к бабке в Ефремовский уезд. А бабка эта – старый мужик, удивитель-

ный: пошепчет на воду – а другие толкуют, что он в нее змеиную слюну пускает, даст выпить – как рукою снимет. Кстати, думаю, в Ефремове себе кровь брошу: оно против испуга хорошо бывает; только, разумеется, не из руки, а из соколка.

– А где это место – соколóк? – с застенчивым любопытством спросил г. Финоплентов.

– А вы не знаете? Самое вот это место, на кулаке, подле большого пальца, куда из рожка табак насыпают – вот тут! Для кро-

вопускания первый пункт; потому сами посудите: из руки пойдет кровь жильная, а тут она – наигранная. Доктора этого не знают и не умеют; где им, дармоедам, немчуре? Больше кузнецы упражняются. И какие есть ловкие! Наставит долото, молотком тюкнет – и готово!.. Ну-с, пока я этаким образом размышлял, на дворе совсем стемнело, пора на боковую. Лег я в постель – и Трезор, разумеется, тут же. Но от испуга ли, от духоты ли, от блох или от мыслей – только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пил, и окошко отворял, и на гитаре «камаринского»¹⁹ с итальянскими вариациями разыграл... нет! Прет меня вон из комнаты – да и полно! Я решил наконец: взял подушку, одеяло, простыню да и отправился через сад в сенной сарай; ну и расположился там. И так мне стало, господа, приятно: ночь тихая, претихая, только изредка ветерок словно женской ручкой по щеке тебе проведет, свежо таково; сено пахнет, что твой чай, на яблонях кузнечики потрюкивают; там вдруг перепел грянет – и чувствуешь ты, что и ему, канашке, хорошо, в росе-то с подружкой сидючи... А на небе такое благолепие: звездочки теплятся, а то тучка наплывет, белая, как вата, да и та еле движется...

На этом месте рассказа Скворевич чихнул; чихнул и Кинаревич, никогда и ни в чем не отстававший от своего товарища. Антон Степаныч посмотрел одобрительно на обоих.

– Ну-с, – продолжал Порфирий Капитоныч, – вот так-то лежу я и опять-таки заснуть не могу. Размышление нашло на меня; а размышлял я больше о премудрости: что вот как,

¹⁹ Русская народная плясовая песня, героем которой является «камаринский мужик».

мол, это Прохорыч мне справедливо объяснил насчет предостереженья – и почему это именно надо мной такие чудеса совершаются?.. Я удивляюсь собственному потому, что ничего не понимаю, а Трезорушко повизгивает, свернувшись в сене: больно ему от ран-то. И еще я вам скажу, что мне спать мешало – вы не поверите: месяц! Стоит он прямо передо мной, этакий круглый, большой, желтый, плоский, и сдается мне, что уставился он на меня, ей-богу; да так нагло, назойливо... Я ему даже язык наконец высунул, право. Ну чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я от него – а он мне в ухо лезет, затылок мне озаряет, так вот и обдает, словно дождем; открою глаза – что же? Былинку каждую, каждый дрянной сучок в сене, паутинку самую ничтожную – так и чеканит, так и чеканит! На, мол, смотри! Нечего делать: опер я голову на руку, стал смотреть. Да и нельзя: поверите ли, глаза у меня, как у зайца, так и пучатся, так и раскрываются – словно им и неизвестно, что за сон бывает за такой. Так, кажется, и съел бы всё этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верст на пять в поле видно: и явственно и нет, как оно всегда бывает в лунную ночь. Вот гляжу я, гляжу – и не смигну даже... И вдруг мне показалось, как будто что-то мотанулось – далеко, далеко... так, словно что померещилось. Прошло несколько времени: опять тень проскочила – уже немножко ближе; потом опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяц, что ли? Нет, думаю, это будет покрупнее зайца – да и побежка не та. Гляжу: опять тень показалась, и движется она уже по выгону (а выгон-то от луны белесоватый) этаким крупным пятном; понятное дело: зверь, лисица или волк. Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякого зверя ночью по полю бегает? Но любопытство-то еще пуше страха; приподнялся я, глаза вытаращил, а сам вдруг похолодел весь, так-таки застыл, точно меня в лед по уши зарыли, а отчего? Господь ведает! И вижу я: тень всё растет, растет, значит, прямо на сарай катит... И вот уж мне понятно становится, что это – точно зверь, большой, головастый... Мчитесь он вихрем, пулей... Батюшки! что это? Он разом остановился, словно почуял что... Да это... это сегодняшняя бешеная собака! Она... она! Господи! А я-то пошевеливаться не могу, крикнуть не могу... Она подскочила к воротам, сверкнула глазами, взвыла – и по сену прямо на меня!

А из сена-то, как лев, мой Трезор – и вот он! Пасть с пастью так и вцепились оба – да клубом оземь! Что уж тут происходило – не помню; помню только, что я, как был,

кубарем через них, да в сад, да домой, к себе в спальню!.. Чуть под кровать не забился – что греха таить. А какие скачки, какие лансады²⁰ по саду задавал! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона²¹ в день его ангела пляшет, – и та за мной бы не угналась. Однако, опомнившись немного, я тотчас же весь дом на ноги поднял; велел всем вооружиться, сам взял саблю и револьвер. (Я, признаться, этот револьвер вскоре после эманципации купил, знаете, на всякий случай²² – только такой попался бестия разносчик, из трех выстрелов непременно две осечки.) Ну-с, взял я всё это, и таким манером мы целой оравой, с дрекольями, с фонарями и отправились в сарай. Подходим, окликаем – не слышать ничего; входим, наконец, в сарай... И что же мы видим? Лежит мой бедный Трезорушко мертвый, с перерванным горлом – а той-то, проклятой, и след простыл.

И тут я, господа, взвыл как теленок и, не стыдясь, скажу: припал я к моему двукратному, так сказать, избавителю и долго лобзал его в голову. И пробыл я в этом положении до тех пор, пока в чувство меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибежала на гвалт). «Что это вы, Порфирий Капитоныч, – промолвила она, – так обо псе убиваетесь? Да и простудитесь еще, Боже сохрани! (Очень уж я был налегке.) А коли пес этот, вас спасаючи, жизни решился, так для него это за великую милость почесть можно!»

Я хотя с Прасковьей не согласился, однако пошел домой. А бешеную собаку на следующий день гарнизонный солдат из ружья застрелил. И, стало быть, уж ей такой был предел положон: в первый раз отродясь солдат-то из ружья выпалил, хоть и медаль имел за двенадцатый год. Так вот какое со мной произошло сверхъестественное событие.

Рассказчик умолк и стал набивать себе трубку. А мы все переглянулись в недоумении.

– Да вы, может быть, очень праведной жизни, – начал было г. Финоплентов, – так в возмездие... – Но на этом слове он запнулся, ибо увидел, что у Порфирия Капитоныча щеки надулись и покраснели и глаза съезжились – вот сейчас прыснет человек...

– Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в ежедневную, так сказать, жизнь, – начал снова Антон Степаныч, – то какую же роль после этого должен играть здравый рассудок?

Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

²⁰ От франц. se lancer – бросаться, кидаться.

²¹ Речь идет о французском императоре Наполеоне III (1808–1873).

²² Намек на обстановку после отмены крепостного права, когда были часты волнения крестьян.

Над выпуском работали: о. Иоанн Курбацкий – подбор материала и иллюстраций, комментариев к рассказу Тургенева, рубрика «Жизнь общины» и статья о Белеве, общая редакция выпуска; Виктор Боченков – редакция текстов, предисловие к заметке из КЕВ и к рассказу Тургенева; Ирина Косырева – корректура текстов; Андрей Курбацкий – обретение статьи о Знаменском храме в КЕВ; Виктор Мишин – верстка, техническая поддержка, печать; Анна Рожкова – фотографии в Коломне.

Вестник распространяется бесплатно, как и всякая проповедь – безмездно. Желающие пожертвовать – могут делать это в храме. Либо путем перечисления.

Местная религиозная организация «Калужская православная старообрядческая Община во имя Знамения Пресвятыя Богородицы»
р/с 4070381080000000028

к/с 30101810500000000762
ИНН 4027028466/4027001001
БИК 042908762

ООО банк «Элита» г. Калуга Назначение платежа:
"Добровольное пожертвование на уставную деятельность".

Адрес храма: 248002, Калуга, ул. Знаменская, 2.

Проезд троллейбусами № 3 (ост. Детская больница), № 12, 5 (ост. Калужанка). Телефон храма 8 (4842)578013.

Телефон настоятеля отца Иоанна 89036969958.

Не стесняйтесь звонить и договариваться о встречах или встречах со священником. В случае неотложной нужды (например, нахождение человека при смерти) звоните в любое время суток.